

РУСАК

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Непроглядная метель, стекла окон залеплены свежим, белым снегом, в доме белый, снежный свет; и все время однообразно шумит за стенами, однообразно, через известные промежутки, скрипит и стонет сук старого дерева в палисаднике, задевающий крышу. Как всегда в метель, с особой отрадой чувствую старину, уют дома.

Вот в прихожей хлопнула дверь, слышно, как Петя, вернувшийся с охоты, топает валенками, отряхивается от снега, затем мягкими шагами проходит через залу к себе. Я встаю и иду в прихожую, С полем или нет?

С полем.

На лавке в прихожей, растянувшись, выкинув передние лапки вперед, а задние назад, лежит уже выбелившийся русак. Гляжу на него, трогаю его и с изумлением и с восторгом.

Он лобастый, с большими и выпученными, глядящими назад стекловидными глазами, золотистыми внутри и ничуть еще не померкшими, - все такими же бессмысленно блестящими, как и при жизни.

Но вся его тяжелая тушка уже каменно тверда и холодна.

Каменны туго вытянутые лапки и жесткой шерстке. Туго завернут серо-коричневый мохор хвостика. И на торчащих кошачьих усах, на раздвоенной верхней губе - запекшаяся кровь.

Чудо, дивное чудо!

Час тому назад, всего час тому назад, шевеля этими усами, прижав вот эти длинные уши и чутко, зорко кося за спину стеклом глаз, золотистых внутри, он лежал в мерзлой ямке под сугробом в поле, наполняя эту ямку своим жарким теплом, блаженствуя в буйном дыму вьюги, которая со всех сторон дула, заносила его снегом. Внезапно открытый и поднятый собакой, он дал от нее такого стрекача, головокружительную красоту которого не выразить никаким человеческим словом. И как жарко и дико колотилось его обезумевшее, оглушенное выстрелом сердце, когда порывисто оборвался его бег, а Петя крепко поймал его за уши, и каким пронзительным, младенческим воплем ответил он на то последнее, что вдруг ощутил он, - острый огонь кинжала, глубоко пронзивший ему горло...

Нет слов выразить то непонятное наслаждение, с которым я чувствую и эту гладкую шкуру, и закаменевшую тушку, и самого себя, и холодное окно прихожей, занесенное, залепленное свежим, белым снегом, и весь этот вьюжный, бледный свет, разлитый в доме.

19 августа. 1924